

«...Я НЕ БОЮСЬ СМЕРТИ»

К 75-летию со дня рождения

Мусы Джалиля

У СПАССКОЙ башни Казанского кремля — одной из самых высоких точек города, открытой вольному волжскому ветру, стоит бронзовый памятник Мусе Джалилю. Ноги поэта в колючей проволоке, руки скручены. Напряженные мускулы вздулись буграми, обнаженная грудь дышит непокоренной силой. Гордо откинув назад голову и слегка прищурив глаза, он смотрит в те безбрежные дали, где ему предстоит «жить после смерти».

В жизни Муса, по свидетельству современников, был простым, веселым, как говорится, «своим парнем». Любил шумные компании, задушевные беседы с друзьями. Ценил остро слово и меткую шутку. Страстно любил природу родного края. «...Муса, которого мы знали, был невысокого роста, скромен, неприметен, — пишет один из друзей Джалиля, татарский поэт Сибгат Хаким. — Я привык видеть его в постоянном движении. Он бывал удивительно остроумным и лукавым. В глазах постоянно поблескивала ртуть... В деревянных ящиках были водяные мельницы. Если один мельник перекроет воду, запрудит русло, не идет вода в другую мельницу, не крутятся жернова. бросают поэтому в воды плотины ртуть тайне от того, кто запрудил воду. Серебристый металл ведь все равно где-нибудь да подточит запруду, вырвется вода, не застоится. И в глазах Мусы тоже та сокрушающая плотины капля ртути...»

Такой же была и его поэзия — порывисто-страстной. Она утверждала правое дело социализма, была непримиримой ко всякого рода пережиткам и в то же время — мягкой, лиричной. В годы первых пятилеток поэт часто выступает в периодических изданиях с публицистическими статьями, очерками, репортажами, пишет об ударниках труда, разоблачает бюрократов, взяточников, капуг, делится своими раздумьями о молодежном движении и антирелигиозном воспитании. Темы эти нашли свое отражение и в его поэзии.

Подвиг поэта был подготовлен всей его жизнью. В 1921 году пятнадцатилетний Муса написал страстное стихотворение, эпитафией к которому взял девиз парижских коммунаров — «Умрем, не будем рабами!».

Не страшась
кровавой битвы,
Мы пойдем, как буря,
напролом.
Пусть ному-то
быть из нас убитым,
Никому из нас не быть
рабом!
(Перевод В. ТУШНОВОЙ)

Двадцать с лишним лет спустя узник фашистской тюрьмы Моабит Мусса Гумеров-Джалиль (так значилось в его учетной карточке смертника) записал в свой самодельный блокнотик слова, которые звучат прямым продолжением этих по-юношески бескомпромиссных строк:

Бой отваги требует,
джигит,
В бой с надеждою идет,
кто храбр.
С мужеством свобода,
что гранит.
Кто не знает мужества —
тот раб.
(Перевод А. ШПИРТА)

Цикл «Моабитская тетрадь» — вершина творчества татарского поэта, наивысшее проявление его героического

духа. Однако творчество Джалиля не исчерпывается этим циклом. В многогранном поэтическом наследии Джалиля — и задушевная лирика, и яркая публицистика, и эпические поэмы. Он писал стихи для детей, драматические либретто, злободневные поэтические фельетоны, репортажи в стихах...

Муса Джалиль никогда не вел дневников. «Не чувствую внутренней потребности, а принудить себя не могу и не хочу», — обронил он однажды по этому поводу. Но, уезжая в январе 1942 года из Казани на фронт, он вдруг захотел излить свои чувства и мысли. Получился, по его словам, «не то дневник, не то письмо». В этих записках — тяжесть расставания с любимой, с дочуркой Чулпан, и трагическое предощущение своей судьбы, и мысли, которые могли бы показаться дежурными, даже высокопарными, если бы не предназначались только для самого близкого человека — жены Амины: «...Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза. Когда мы говорим, что мы смерть презираем, это на самом деле так... Есть жизнь... после смерти, в сознании, в памяти народа».

Джалиль не кривит душой и не противоречит себе, когда говорит о своем презрении к смерти. Он чувствует себя неразрывной частью народа, Родины, без которых не мыслил своей жизни и за судьбу которых ощущал себя кровно ответственным. Именно в этом источник его внутренней готовности к подвигу.

В марте 1976 года я был в Берлине в связи с празднованием семидесятилетия со дня рождения Мусы Джалиля. Мои коллеги, писатели ГДР, поинтересовались тиражами книг Джалиля у него на родине. Я ответил, что последнее казанское издание стихотворений поэта вышло тиражом 250 тысяч экземпляров. Мои собеседники недоуменно переглянулись: «Вы хотели сказать — 250 экземпляров?». «Нет, именно 250 тысяч, четверть миллиона, так как стотысячные тиражи изданий Джалиля уже недостаточны — они расходятся за несколько дней». Эти цифры показали им поистине фантастическими.

Имя Мусы Джалиля всегда среди нас. Его носят улицы и пионерские отряды, колхозы и театры, клубы и пароходы. Именем поэта назван новый город в нефтяных районах Татарии и центральный проспект в Набережных Челнах, только что отстроенная улица в молодом поселке Беркакит на БАМе и одна из высочайших вершин в Антарктиде.

Поэт живет, борется, воспитывает героическим примером своей жизни новые поколения советских людей, «как живой с живыми говоря».

Рафаэль МУСТАФИН

КАЗАНЬ